

Духи говорят

Яшви Садхир

Из аэропорта Улан-Батора Яшви сразу отправилась в сторону Тариата. Она договорилась с Алахчит, что клан прибудет сразу туда, чтобы затем они могли решить на месте, что делать дальше – если остальные шаманы не восприняли видение всерьез, то клан просто чуть ранее пойдет кочевать, а если обсуждение затянется, то все кланы в таком случае начнут собираться в Тариате. Яшви оставила Ворона в резиденции Кобр, и до Тариата ей пришлось добираться не как гордой монгольской кочевнице, верхом, а как простому обывателю, на автобусе. С другой стороны, она не могла не признать, что на автобусе получилось быстрее и теплее, потому что весна еще только-только начиналась, и дули пронизывающие влажные ветра, ехать верхом с которыми было бы не очень приятно.

Яшви приехала в нужное ей место только на следующее утро, у нее затекло от долгого сидения все тело, и она не отказалась бы от завтрака. Но сначала пришлось еще долго идти к стоянке лис, на которую ей указали в самом поселке, куда, по-видимому, лисы уже наведывались с лошадьми на продажу. Табун сильно поредел после зимы – часть голов Алахчит удачно продала шерпам, наверное, только это не позволило клану умереть с голоду зимой.

Через час Яшви наконец увидела белые гэры, и первым ее заметили мальчики, что упражнялись в стрельбе из лука в отдалении от стоянки. Яшви помахала им рукой и невольно улыбнулась. Вид маленького, но не сломленного клана не мог ее не радовать.

Яшви Садхир

Напившись горячего чая, отогревшись и отдохнув, Яшви узнала последние новости у Алахчит и расспросила обо всем подробнее. Все кланы прибыли, чтобы завтра слушать, что скажут духи. Это должно было стать большим событием, и Яшви нервничала, потому что никогда не делала ничего подобного. Точнее, ей доводилось чисто случайно проваливаться с общих транс или общий сон, но она никогда не делала это специально. Ей пришлось спросить совета у старого Дорджсурена или Тургэна, который был старше нее лет на двадцать, но у него уже не было одного глаза. Яшви, конечно, не стала уточнять, что произошло, но ходили слухи, что степной орел выклевал ему глаз взамен на умение разговаривать с умершими. Яшви отнеслась к этому слуху скептически.

Тургэн вполне подробно описал, как все будет происходить - однажды ему уже доводилось участвовать в таком массовом трансе много лет назад, когда он был еще совсем юным шаманом. Сказал, что сделать это, когда в одном месте собирается столько сильных шаманов и столько мертвых, совсем несложно, нужно только прислушиваться к ритму шаманского бубна.

На закате первого дня весны Яшви стояла на большой поляне в отдалении от стоянок лис, облаченная в шаманские одежды и вся с ног до головы увешанная ожерельями из костей и зубов животных. В ее волосы были вплетены ленты, в руках

она держала четки из кварца, а на лице были густой белой краской нарисованы традиционные рисунки. Огромный костер, горящий в центре шаманского круга, заставлял ее щуриться и отворачиваться от пламени.

Яшви Садхир

Старый Дорджурен держал подле себя огромный обтянутый кожей бубен, украшенный лентами и обшитый звенящими костями и камешками. Как только солнечный луч заходящего солнца упал на бубен, старик с силой, удивительной для этого дряхлого тела, ударил колотушкой в бубен, затем еще раз и еще, извлекая из него гулкие, далеко разносящиеся звуки. Яшви мгновенно ощутила присутствие мертвых, они окружали плотным кольцом, стекались со всех сторон, норовя оказаться поближе к шаманскому кругу, и Яшви показалось, что со всей степи сюда ссылают духов. Чтобы они рассказали все, что знают, потому как не смогут сопротивляться силам шести шаманов.

Она закрыла глаза, перебирая в руках бусины кварца, а затем запела - подхватила мотив, ей неизвестный ранее, но слова сами приходили, как будто кто-то вызывал в голове эти слова. Она слышала голоса остальных шаманов, вплетающиеся в общий напев, и звук бубна, уносящий ее куда-то далеко отсюда...

Когда Яшви открыла глаза, ее бесчисленное число душ, но тут и там виднелись шаманские одежды, перья, кости и звенящие бусины. Место без места и времени, уходящее далеко за горизонт, на котором сейчас возвышалась фигура конного всадника, окруженная, словно ореолом, лучами заходящего солнца, отчего лицо и черты лица его было невозможно различить, настолько этот свет резал глаза. Какая-то непреодолимая сила опустила Яшви на колени - ее, и тысячи душ и шаманов рядом с ней. Конь встал на дыбы, всадник взмахнул кривой монгольской саблей, солнечный луч сыграл бликом на остро заточенном лезвии, и из под копыт коня потекли багряные реки крови, пропитавшие землю насквозь.

Яшви Садхир

Внезапно ворвавшаяся в сознание Яшви тишина заставила ее очнуться, вынырнуть из видения, где она захлебывалась кровью, но на самом деле она просто прикусила себе щеку, что поняла, когда открыла глаза и сплюнула на землю розовую слюну. Никакой крови, конечно, вокруг не было. Яшви дрожала, стояла на коленях на влажной холодной земле, как и остальные. Яшви неловко поднялась, как будто простояла в одной позе лет десять. Солнце еще только коснулось своим краем горизонта, но Яшви поняла, что видит не только закат, но и фигуру конного всадника на фоне алого солнечного диска. Она привлекла внимание остальных к всаднику.

Всадника звали Джагатай, и он был лисой. Он не был шаманом, но говорил, что ему было видение, что он должен приехать в Тариат в первый день весны, потому что знал, что встретит здесь своих соплеменников. Его прадед давно покинул один из кланов лис, но сейчас уже никто не мог вспомнить того лиса. В живых того времени никого не осталось. То, что он был лисой, Джагатай подтвердил не сходя с места, и потому ни у кого не возникло сомнений в правдивости его слов, потому что тибетскую лису трудно спутать с какой-то еще.

Он говорил еще очень много всего. Что видит будущее, будущее сильное, и может

их к этому будущему привести. Что сейчас необходимо заключить союз с шакалами, чтобы выжить и прекратить их набеги, и тогда у них будет время набраться сил о ответить завоевателям отпором. Утром Яшви проснулась с уверенностью, что именно так все и будет, но совершенно не помнила, как дошла до своего гэра и что именно говорил Джагатай хаан.
